

МИХАИЛ ПЕТРОВ

ДУБРОВАЧКИ ДИВЕРТИШКИ
DUBROVAČKI DIVERTISHKI

TALLINN. 2024

© michael petrov 2024 petrov@infonet.ee

Василий Витальевич Шульгин

Из дневниковых записей.

До 7 января 1951 года

...прибыв в Дубровник, нашёл здесь вновь цветущие «вишеньки со сливой». И не только нашёл, но и поселился под их сенью. В благодарность за радушиное гостеприимство он посвятил им книжечку стихов под заглавием «Дубровачки Дивертишки».

Дивертишки? Что за слово!

Дело в том, что здесь, в Рагузе-Дубровнике, говорят диалектом, который они сами называют «наихи», т.е. наш язык. Этот наихи разновидность сербо-хорватских говоров; с добавлением большого количества слов латино-итальянских, но перекрученных на славянский лад. «Дивертишки» это «дивертисмензы», т.е. развлечения.

А причём тут «вишеньки со сливой»? Притом, что хозяин этого дома, где я приютился, был по фамилии Сливинский; а жена его была урождённая Вишневская. Оба — киевляне; и, значит, все ясно. <...> По характеру он был любезный, гостеприимный человек, но был бы счастлив и ввоём со своей женой. Она же любила вокруг себя человеческую суету. Поэтому свободные комнаты, где должен был быть по идее, когда нанимаем большую виллу, платный и доходный пансион, на самом деле почти всегда был занят приبلудами вроде меня. Так попали в этот дом и птички певчие, называемые иначе Северяне

7. I. 1951

В этой то гостиной вдруг появился Игорь Северянин с женой. Их пригласили погостить под вишнями и сливами. Так же, как и меня. Они совершали турнэ по Югославии. Давали в разных городах и городках «концерты», т.е. читали стихи. Она ведь тоже была певчая птичка, поэтесса. И вперемежку с мужем читала свои произведения. Русские стихи, хотя она была родом эстонка.

Пленительность эстонки:

Глубины, что без дна;

Василий Шульгин.

*Пленительность эстонки:
Глубины, что без дна;
И чувства, что так тонки;
И долгая весна.
Блажен ваш друг, Фелисса!
У «хладных финских скал».*

Villa Flora в заливе Lapad

После могилы Тутанхамона для историка и археолога нет ничего желаннее, чем аутентичная мусорная яма в правильном месте. Если ты биограф исторического персонажа, то тебе тоже важны личные впечатления от связанных с ним мест, ну и, разумеется, впечатления от мусорных ям.

Моя давняя мечта найти во Владимировке мусорную яму во владениях дяди поэта Игоря-Северянина Михаила Васильевича Лотарёва. Имение расположено в двух десятках километров от Череповца, посему мусорная яма должна быть поблизости от имения — не возить же мусор в такую даль! Найдёшь яму, найдёшь множество подлинных и бесценных вещей для музея Игоря-Северянина. Мечты, мечты!

В Дубровнике я искал виллу Flora Mira на которой дважды бывал Игорь-Северянин с женой Фелиссой. После похода по казённым учреждениям и общения с местными чиновниками первоначальный энтузиазм поуёас. Оказалось, что про виллу Flora Mira никто ничего не знает и про визит Игоря-Северянина в Дубровник понятия не имеет.

Один только хорватский историк и литературовед Hrvoje Ivanković исследовал проблему виллы:

«Человеком, который оказал гостеприимство Северянину в Дубровнике по его прибытии из Белграда <...> был бывший полковник Генерального штаба и начальник штаба украинского гетмана Скоропадского Александр Владимирович Сливинский. В Югославии он занимался строительным бизнесом <...>, но мне не удалось определить, была ли упомянутая вилла Flora Mira, которую, очевидно, арендовал Сливинский, на самом деле виллой Флора художницы Флоры Якич, расположенной в заливе Лапад, о чём свидетельствуют некоторые письма Северянина с описанием дома, где он и Фелиса остановились в Дубровнике».

*Villa Flora – Florin Dom и знаменитый балкон
с видом на залив Lapad.*

Не знаю на чём основаны сомнения, разве что на том, что полное название виллы встречается только у Шульгина и у Игоря-Северянина. У Шульгина есть упоминание о том, что вилла расположена «на дороге Святого Иакова». В рассказе Игоря-Северянина «Гроза в Герцеговине» Сливинский объясняет:

«Мы живём по правому берегу моря в трёх километрах отсюда. Моя машина — в Вашем распоряжении. Мы, конечно, с удовольствием приняли его приглашение. Автомобиль быстро понёсся по дивношооссированной дороге на его дачу «Флора мира».

Всё указывает на залив Лапад, в районе которого нет других известных строений (по правому берегу залива) со статусом вилла, кроме Villa Flora. Тем более, что описание виллы соответствует её нынешнему внешнему виду. У Игоря-Северянина находим:

«Мария Андреевна, его <Сливинского> жена, встречала нас на белом открытом балконе. Апельсины и нэспали вплотную приникали к нему. Мы пили кофе в одних костюмах, было двадцать два градуса тепла. Адриатика (или по-местному Ядран) веяла на нас своим воздухом — Богом. Весь покрытый лесами остров Локрум темно синел как раз против дачи. Вдали угадывались берега Италии около Бриндизи. Даже кто не родился поэтом, можно было им стать!..» (Ibid.)

Всё точно, за исключением вида на Локрум — вид на этот остров закрывает гористая местность. Зато с балкона в направлении Италии видны живописные острова Колочеп и Лопуд. Легко ошибиться.

Найти виллу просто. На выходе из старого города конечная остановка автобуса номер 4 — остановка у пляжа Sunset Beach. Направление — направо от дороги в сторону пляжа. Если пройти по дороге вдоль пляжа, то на противоположной стороне найдёте Galerija Flora или Florin Dom.

Изначально хозяйкой виллы была Flora Jaksic (1856-1943). Её мужем был капитан дальнего плавания Пер Якшич. Флора рано осталась богатой вдовой без детей. Она стала известна благотворительностью и талантом живописца. В мае 1943 года по дороге в Лапад Флора погибла под колёсами мотоцикла итальянского солдата. В завещании было определено, что после её смерти вилла Flora будет оставлена молодым хорватским художникам для отдыха и организации выставок.

Увы, смотритель виллы ничем помочь мне не смог. Он ничего не слышал ни про Сливинского, ни про Игоря-Северянина тоже, но зато позволил свободно осмотреться.

Первый этаж виллы переделан под выставочный зал, комнаты второго этажа отданы под студию. Исторический антураж отсутствует напрочь. В саду я обнаружил пару мест, где действительно можно отдыхать в тени нэспали и апельсиновых деревьев, как это описано в рассказе «Гроза в Герцоговине».

В узком пространстве, ограниченном стеной дома и стеной участка обнаружилось подобие мусорной ямы. И хотя мусора на поверхности было немного, под стеной все же нашёлся стеклянный стакан с клеймом «G», происхождением из начала прошлого века, а также большая немецкая кружка для воды (AGE Durabel Prima Aluminium). Кружка дырявая, зато стакан оказался без изъянов. Если дырявую кружку на мусорке понимаю, то одинокий и целый стакан нет.

Одинокий стакан на мусорке? Важен контекст: какой вообще смысл выбрасывать на мусорку хороший стакан даже, если все остальные давно разбиты? Чуждачество необъяснимое логикой.

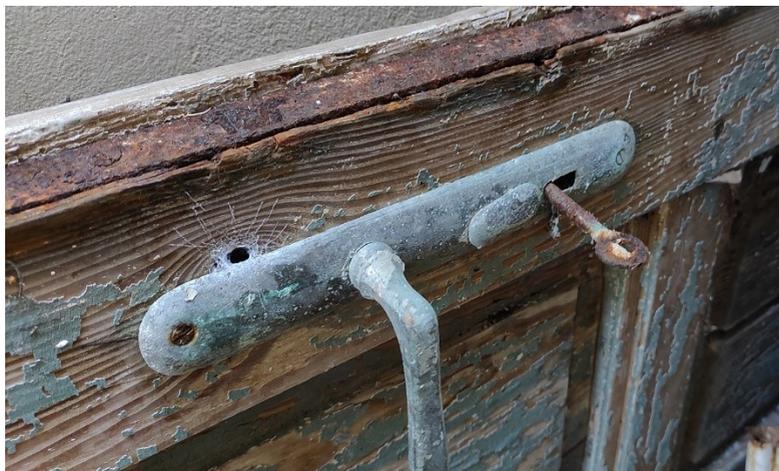
Сравнил находку с современными аналогами. Форма почти одинаковая, но разный рисунок и мой стакан несравненно изящнее. У него на донце есть клеймо G, а у современных стаканов клейма нет.

Условно говоря — highly likely — найденный стакан тоже сливинский или северянинский, во всяком случае, пока не доказано обратное. 2023.

Алюминиевая кружка — highly likely! — несомненно имеет собственную историю. Кружка №12 с клеймом: в центре вензель AGE, по кругу DURABEL PRIMA ALUMINIUM. 2023.

Металлический замок проржавел насквозь, но бронза и ключ в хорошем состоянии. 2023.

*Входная дверь, приготовленная на дрова.
Задний двор Villa Flora. 2023.*

В 30-е годы при отсутствии водопровода на втором этаже большую кружку могли использовать для набора воды в умывальник. Это означает, что ею по утрам пользовались и супруги Сливинские, и супруги Лотарёвы, и Шульгин, а после смерти Флоры Якшич новые насельники виллы — бедные хорватские художники.

За прислонёнными к стене ставнями, выставленными на дрова, обнаружилась деревянная входная дверь. Именно входная, потому что с внутренней стороны когда-то была массивная щеколда. Дерево сгнило, проржавели насквозь железная щеколда и замок, но зато хорошо сохранились бронзовые ручки с накладками. Ключ из ржавого замка вынул неожиданно легко.

Мне было позволено забрать находки, в том числе замок и бронзовые ручки с накладками. С замком возникла проблема: на вилле не оказалось инструментов. На следующий день в Сребрено я купил садовую ножовку. Морем вернулся в Дубровник и выпилил из двери замок, но железо замка, увы, было напрочь изъедено ржавчиной. Им пришлось пожертвовать ради того, чтобы сохранить бронзу. Лишившись железа комплект несколько пострадал, но ключ — ключ! — от него побывал во множестве рук, в том числе в руках «певчих птичек» Игоря и Фелиссы!

Вообще-то мне повезло, что на вилле не нашлось плотницкого инструмента. Бронзу, ключ, стакан и кружку я спас от забвения.

* * *

Отдельная история с пребыванием Игоря-Северянина в русской культурной среде Дубровника и о влиянии на культуру сербскохорватскую в целом. Тема влияния лишь затронута в очерке Hrvoje Ivanković'a и ещё ждёт своего вдумчивого исследователя, тем более что Игорь-Северянин основательно прописан в сербской литературе начала прошлого века — в прессе, в критике, в переводах.

Супруги Лотарёвы оказались в Дубровнике после концерта в Сараево, который состоялся 16 января 1931 года. С большой долей вероятности в Дубровник они прибыли утром 18 января. На следующий день — 19 января Сливинский повёз гостей в Черногорию. Мы знаем об этом, потому что посвящённое Шульгину стихотворение «Портрет Даринки» (см. в сборнике «Адриатика») было написано 20 января в Цетинье.

Дубровник. Sloga. Зеркальный зал.

22 января Игорь-Северянин выступал в Зеркальном зале в обществе Sloga (серб. согласие). Поэт читал и ранние свои стихи, которые принесли ему всероссийскую славу, и ностальгические стихи о России, и стихи патриотические. Концерт прошёл с успехом, поскольку большинство в зале составляли русские. Из членов общества Sloga присутствовало всего 11 человек.

На следующий день — 23 января поэт выступал в крепости Ревелин в Русском доме исключительно перед русской публикой. Выступление носило более интимный характер, чем в Sloga, а после вечера состоялось чаепитие. Из Дубровника супруги Лотарёвы уехали 24 января.

Увы, нескольких дней в Хорватии оказалось мало для того, чтобы поработать в библиотеке и в архиве Дубровника. Доступной литературы, тоже, увы, — мало.

В доступном очерке Алексея Арсеньева «Русская эмиграция в Дубровнике» находим некоторые сведения о Лидии Ираклиди — знакомой поэта из Цавтата:

«Уже как эмансипированная девушка, будучи студенткой, в Одессе, красавица Лидия Михайловна вращалась в художественных кругах. Она была первой любовью Валентина Катаева, знакомой и моделью художника Евгения Буковецкого, любовью и вдохновительницей художника и писателя Петра Нилуса, которому послужила прототипом Лики Солнцевой в одном его романе. Была знакома с Иваном Бунинным и многими другими.

Разбогатеv в Белграде, несчастная в браке и любви, она сочиняла стихи, материально помогала русским поэтам, финансировала издания их сборников, ей они посвящали свои стихи. Она оказывала финансовую помощь Игорю Северянину, переписывалась с ним, прекрасно декламировала его стихи. Дружила с Богданом Поповичем, который любил слушать чтение её собственных стихов. Одно интимное стихотворение посвящено ему:

*Небо плакало холодными слезами
До зари упорно дождь шумел...
Я лежала тихо, с влажными глазами,
Думая про Ваш и мой удел.
Нас судьба столкнула слишком поздно,
В сердце пепел... холодно, темно...
Мы должны расстаться тихо и бесследно:
Чтобы не было ни больно, ни смешно.*

В дни оккупации Белграда её с мужем арестовывает гестапо. Более трёх месяцев Лидия Михайловна провела узником тюрьмы «Баница». <...>

Лидия Михайловна читала газеты, русскую мемуарную литературу, интересовалась астрономическими феноменами; парапсихологию считала наукой будущего. Её волновала судьба дома

на «Камне малом», после её ухода, — будет ли соблюдаться воля дарительницы, сестёр Соловьёвых, станет ли он приютом состарившихся артистов. <...>

Ещё при её жизни на каменистой цавтатской почве была вырыта могила на православном участке кладбища Св. Георгия, рядом с её родителями, супругом и сестрой».

Лидия Михайловна Ираклиди (1893-1995) скончалась на 102-м году жизни в статусе «новой беженки» от войны 1991-1995 годов. Погребена на городском кладбище Апатина. Заслуживает ли такая судьба внимания, разумеется! Хотелось бы что-то сделать для её памяти тоже? Разумеется, хотелось бы, если Бог даст.

И я попытался, хотя бы приступить к этой теме.

Дубровник — Таллинн. 2023.

Дом на Камне Малом

Вновь посещая Хорватию, я хотел наладить связи в архивах Дубровника, посетить Villa Flora Mira, взглянуть на дом Лидии Ираклиди в Цавтате.

В муниципальных архивах пусто: личный архив Лидии Михайловны Ираклиди, урождённой Соловьёвой (1893-1995) и семейный архив её сестры балерины Ольги Михайловны Соловьёвой сгорели в Цавтате в доме на Камне Малом (Kamen Mali) во время войны 1991-1995 годов. Потеря архивов — событие прискорбное, потому как невозполнимое.

Администрация театрально-музыкально-литературного фестиваля **Dubrovačke ljetne igre** (Летних игр в Дубровнике), наследовавшего сгоревшую виллу, продала место. Новое строение новые хозяева окружили высоким забором и разглядеть его можно только с моря.

Мой интерес к Лидии Ираклиди связан с её корреспондентом поэтом Игорем-Северяниным. Ираклиди способствовала продаже его книг в Югославии — Королевстве сербов, хорватов и словенцев, деньги чеками посылала в Тойла. Я не нашёл в сети фотографии Лидии Михайловны Ираклиди, так что единственная фотография, которой я располагаю, была прислана ею Игорю-Северянину.

*Дом сестёр Соловьёвых в Цавтате на Камеи Mali.
Камеи Малый до пожара.*

Лидия Михайловна родилась в Кишинёве, откуда её родители переехали в Одессу. Там она закончила исторический факультет Одесского университета, дополнительно изучала языки и музыку. Умела очаровать собеседника и завоевать его доверие.

В очерке Алексея Арсеньева «Русская эмиграция в Дубровнике» сказано, что красавица Лидия Михайловна вращалась в художественных кругах дореволюционной Одессы, была первой любовью будущего писателя Валентина Катаева, знакомой и моделью художника Евгения Буковецкого, вдохновляла художника и писателя Петра Нилуса, которому послужила прототипом одной из его литературных героинь. Была знакома с Иваном Буниним и многими другими. «Многими другими» — это правда, чего нельзя сказать о *немногих*.

Я не нашёл в сети рассказа Нилуса «Соловьи» и упоминания каких-либо обстоятельств, связывающих в Одессе Лидию Михайловну и писателя Валентина Катаева, говорят, весьма влюбчивого в юные годы.

Среди картин художника Евгения Буковецкого есть портрет неизвестной – «Женщина в красном шарфе», датированный 1913 годом. В том году Лидии Михайловне исполнилось ровно 20 лет.

Среди наследия художника и писателя Петра Нилуса обнаружили два рисунка — иллюстрации к его рассказу «Соловьи» (1900). Арсеньев полагает или же пересказывает с чужих слов, что Лидия Михайловна, урождённая Соловьёва, была прототипом героини рассказа

Новострой на месте Kamen Mali

Нилуса Лики Солнцевой. Соблазнительно: *Лидия — Лика; Соловьёва — «Соловьи»*. Однако в 1900 году Лидии Михайловне не исполнилось и 10 лет, хотя художник и писатель, мог провидеть в ребёнке, то, чего не заметили другие современники. Полагаю, эта связь либо ошибка, либо мистификация.

Лидия Михайловна Соловьёва вышла замуж за состоятельного грека из Одессы Владимира Александровича Ираклиди. В эмиграции они оказались обманным путём, заняв места на переполненном британском пароходе, благодаря внешности Лидии Михайловны и её безупречному английскому языку. Супруги высадились в греческих Салониках и направились в Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Внезапно семья лишилась средств к существованию: Владимир Александрович забыл на вокзале чемодан с деньгами и ценностями. Супруги на целых три года застряли в Скопье. Лидия Михайловна устроилась на работу в банк, а муж — в библиотеку.

В Париже Лидия Михайловна полгода изучала искусство косметики. В 1927 году она открыла первый салон красоты в Белграде и потерпела неудачу. Годы спустя, когда югославский режим смягчится, салон будет открыт снова и успешно. *«Будь умной, если надо, хорошей, если хочешь, но в любом случае ты должна быть красивой!»* — говорила своим новым клиенткам Лидия Михайловна.

Евгений Буковецкий. Женщина в красном шарфе. 1913. Возможно, достоверный портрет Лидии Михайловны Соловьёвой.

Если присмотреться к женщине в красном шарфе, то сходство с младшей сестрой Лидии Ольгой Соловьёвой очевидно: овал лица, мягко очерченный подбородок, разрез глаз, широкая переносица, узкие крылья носа, слегка вздёрнутая верхняя губа и пухлая нижняя, что особенно заметно на фотографии Ольги.

Но всё это *highly likely*, хотя и весьма соблазнительное.

Младшая сестра Лидии Ольга Михайловна Соловьёва

Пётр Нилус. Мечтающая. Иллюстрация к рассказу «Соловьи». 1900.

Младшая сестра Лидии Ольга Михайловна Соловьёва была известной европейской балериной 1920-х годов, а затем актрисой первых югославских немых и звуковых фильмов. Карьера танцовщицы оказалась короткой, но в Цавтате её помнят именно как балерину. Она прекратила карьеру в начале тридцатых годов и нашла в Цавтате место — дом на Камне Малом, где она поселилась вместе с родителями. С трёх сторон дом окружало море, а позади в некотором отдалении располагалась церковь и кладбище Святого Георгия. Возможно, крошечный Цавтат чем-то напоминал ей родную Одессу.

В начале пятидесятых годов, похоронив близких за домом на кладбище для иностранцев, сестры с азартом интегрировались в общественную жизнь Цавтата, а затем и Дубровника. Ольга обучала крестьянских девушек хорошим манерам и танцам, а также рукоделию. Лидия познакомила общество с косметикой. В 1950 году сёстры учредили летний фестиваль литературы, музыки и театра — Летние игры в Дубровнике — **Dubrovačke ljetne igre**. В июле 2024 года состоялся юбилейный — 75-й фестиваль.

Ольга Соловьёва до конца жизни была постоянным хореографом Летних игр в Дубровнике. Она создала и руководила балетным отделением Музыкальной школы Дубровника. Впоследствии школа получит имя композитора XVIII века из Республики Рагуза, первого хорватского симфониста Луки Соркочевича (Luka Sorkočević).

Ольга подружилась с историком искусства и реставратором Косто Страйничем, который научил её основам живописи и скульптуры. Она начала рисовать и лепить, и весьма преуспела. Её надгробие украшает барельеф собственной работы. Ольге позировал советский пианист Святослав Рихтер, с которым она тоже подружилась.

В гости к сёстрам приезжали и другие знаменитости такие как Мстислав Ростропович, Арам Хачатурян, Иегуди Менухин, а также звезды югославского театра и музыки...

Всё это богатейшее собрание русской, хорватской, советской и европейской культуры просто сгорело.

Упомянутый выше Алексей Арсеньев записал последнее интервью Лидии Ираклиди:

Могила Владимира
Ираклиди. Кладбище
Святого Георгия. Цацат.

«Но я задержалась здесь слишком долго. Тяжело нести Sic Transit, Gloria mundi сто лет... Я держу руку на счёте, ожидая, когда он прекратится. Вопрос о том, хотела бы я жить дольше, всегда меня злит. Но, тело больше этого не выдерживает». (Ibid.)

Лидия Михайловна приготовила себе могилу на кладбище рядом могилами мужа и сестры и даже установила на ней надгробие, но с началом войны 1991-1995 годов ей пришлось уехать в Апатин. Там она умерла и там же похоронена.

В целом история длинная, но её основу я позаимствовал у Miljenko Jergović из его статьи Prazni grob kod Svetog Đurđa. В знак уважения к автору приведу чрезвычайно тронувший меня отрывок:

«Сегодня на этом кладбище, заросшем травой, двенадцать надгробий. Имена на табличках, написанные преимущественно сербской или русской кириллицей, спрятаны под стопкой сухих сосновых иголок. Сюда никто не приходит возложить цветы и зажечь свечу. Последние похороны состоялись здесь ещё в восьмидесятых годах. Совсем недавно, несколько лет назад, у входа на кладбище была построена большая беломраморная гробница для католической семьи. (...)

Но самая интересная могила на кладбище, с которой могли бы начаться многие великие истории, сегодня пуста и, вероятно, будет пустой в тот день, когда души верующих поднимутся из всех других могил и попадут в рай. На вертикально расположенной плите хорошо спроектированного и огороженного памятника написано имя Лидии Михайловны Ираклиди с указанием года рождения 1893. Вместо года смерти графитом, столярным карандашом, написано: Апатин 1995. Хотя это кладбище никто не посещает, и в мире, наверное, не так уж много тех, кто помнит, что в Цавтате кого-то похоронили, кто-то предпринял попытку найти столярный карандаш – фломастером, чтобы не поцарапать надгробие — и завершить то, что не было завершено годом рождения Лидии. Написав город Апатина в Воеводине, он подтверждает, что могила пуста, и завершает историю, рассказа которой не ожидается. Точно так же нет надежды, что кто-то, побывав на кладбище Святого Георга, поедет в Апатин, чтобы найти на городском кладбище живую могилу Лидии Ираклиди, зажечь на ней свечу и оставить особенно красивый и дорогой, барский цветок.

Вот как Лидия Ираклиди советовала женщинам: «Будьте умными, если надо, хорошими, если хотите, но надо быть красивыми во всех отношениях. (...)

Никто не возлагает цветы и не зажигает свечи у Георгиевского собора. Могилы неверующих на Балканах пусты. Они ждут, когда они исчезнут в час воскресения».

Такая вот грустная история, несколько контрастирующая с яркими красками Ядрана — синевой моря и неба, зеленью и глассандо оттенков красного в лучах заходящего солнца. Булат Окуджава однажды мудро заметил, что грусть всегда соседствует с любовью.

*Могилы Ольги Соловьёвой. Барельеф её собственной работы.
Кладбище Святого Георгия. Цавтат.*

*Слева кенотаф Лидии Ираклиди, справа могила мужа.
Кладбище Святого Георгия. Цафат.*

Если кто подзабыл, как это там у Булата Шалвовича, я с удовольствием напомню:

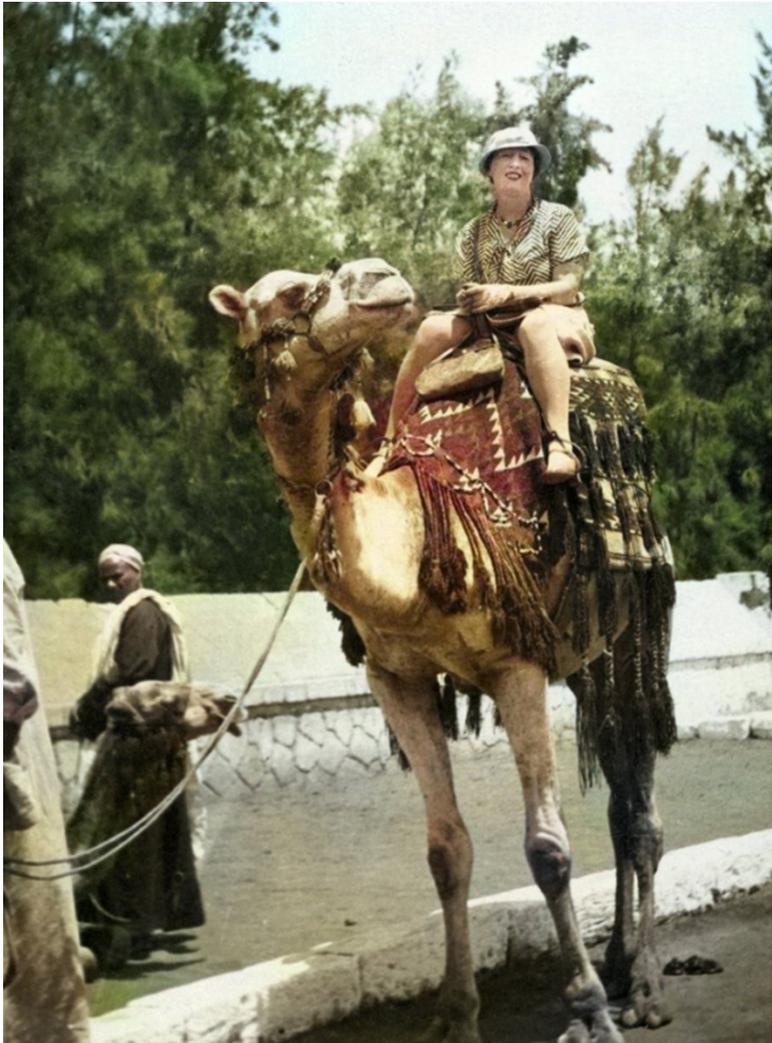
Давайте горевать
И плакать откровенно
То вместе, то поврозь
А то попеременно

Не будем придавать
Значения злословью
Поскольку грусть всегда
Соседствует с любовью.

Ах, да! Главу нельзя прихлопнуть просто так без заявленной в её начале единственной достоверной фотографии Лидии Михайловны Ираклиди... верхом на верблюде.

Дубровник – Таллинн. 2024.

Лидия Ираклиди. Фотография, посланная Игорю-Северяину.

Пепельница

Игорь в Дубровнике: *«Нигде и никогда,
ни до, ни после такого воздуха
я уже не встречал».*

Дубровник не перестаёт удивлять ни переменной погодой, ни дивным благоуханием горных и морских воздушных масс, ни волнительным морем, ни людьми.

Однако есть и утраты. Так, семейный архив сестёр Соловьёвых Ольги и Лидии (в замужестве Ираклиди) сгорел в Цавтате во время войны 1991-1995 годов. Жаль, я рассчитывал найти в нём письма Игоря Северянина, материалы о русской эмиграции и гостях из СССР, наконец, свидетельства зарождения музыкально-театрально-литературного фестиваля **Dubrovačke ljetne igre** (Летние игры в Дубровнике), основателями которого были сёстры Соловьёвы. Фестиваль жив и по сей день — ежегодно с середины июля по середину августа. Однако об основателях фестиваля — русских сёстрах — сегодня практически забыто.

И, тем не менее, люди.

Однажды вечером, когда мы с женой прогуливались по курортному променаду вдоль залива Лапад, мимо знаменитого пляжа Sunset Beach, в воротах хорватской артистической достопримечательности Villa Flora (Florin Dom) нам повстречался пожилой человек. Я спросил его не он ли арендует под студию второй этаж виллы и балкон. Оказалось, что да. Так мы познакомились с художником Йосипом Пино Тростманном (Josip Pino Trostmann, 1938).

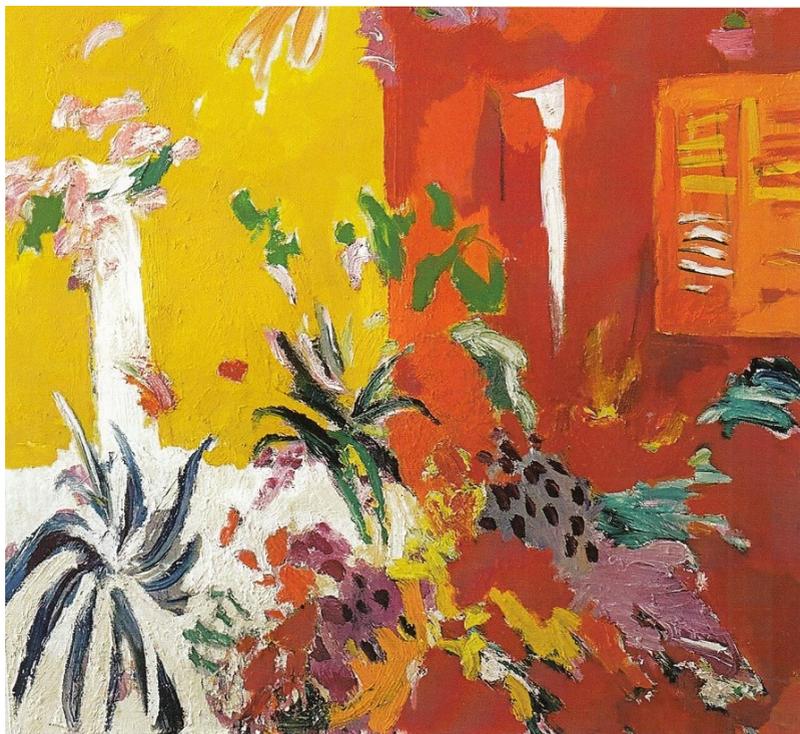
Йосип Тростманн любезно пригласил нас осмотреть мастерскую и балкон. Проверку перед дверями в студию я не прошёл — не опознал работу основоположника фовизма голландского постимпрессиониста Kees van Dongen «Лежащая обнажённая». Проямлил что-то про импрессионизм и Францию и при этом, разумеется, ткнул пальцем в небо, но как потом оказалось почти в правильное небо.

Kees van Dongen. Reclining Nude

Мастерская художника поражает огромными и яркими холстами. И тут я сошлюсь на чужое мнение, потому что оно имеет значение для моего повествования:

«Его рабочее пространство на самом деле похоже на уютный дом. Можно часами бродить по этому пространству, фотографируя предметы, произведения искусства, бумаги, книги, краски, которые разбросаны в “организованном беспорядке”, так приятно для глаз». (Источник: Lena Šutić Klaić.)

*J. Trosmann. Буйная средиземноморская растительность.
На заднем плане архитектурная деталь – стена виллы.*

Я имел счастье убедиться в том, что «организованный беспорядок» хранит в себе сокровища, но об этом ниже. А пока вот что, сидя на балконе в лучах закатного солнца, рассказывает о себе хозяин студии:

— Для меня Дубровник самое прекрасное, что есть в мире, рай, если хотите. Я родился и вырос здесь. Согласитесь, что Средиземноморье — это самое привлекательное в мире место для жизни; погода идеальная, не слишком жарко и не слишком холодно, смена времён года прекрасна. Море, горы, буйная растительность. Возможно, растительность, для меня даже интереснее людей — вежливый кивок в мою сторону. — На моих картинах только природа. Иногда в сочетании с архитектурными деталями Дубровника.

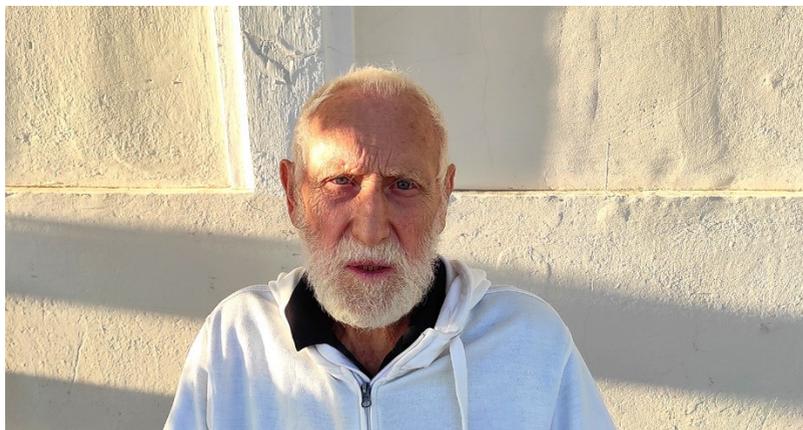

J. Trostmann. Закат в заливе Ланад.

Когда мне было десять лет я ходил в вечернюю школу портретной живописи Иво Дульчича. В школе я был очарован художественной средой. Я открыл для себя колористов — Антуана Масле и Джуру Пулитика. Я влюбился в яркие, летние цвета Средиземноморья и порождённую им колористическую живопись.

Я вам так скажу, результаты таланта приходят только после упорного труда и никак иначе. Как художник я выросл медленно. Только после семидесяти почувствовал себя в самом начале карьеры. Невероятно! Вся моя жизнь была только подготовкой карьеры художника! Много лет спустя Масле признал мой талант!

И вот тут уместно напомнить про палец в небе. Кес ван Донген в начале XX века был основателем течения внутри французского постимпрессионизма, известного как фовизм (от фр. les fauves — «дикие», «хищники»). Характерная особенность фовизма — использование предельно интенсивных цветов в их контрастных сочетаниях — таковы

Йосип Пино Тростманн.

На развороте залив Лапад. Вид со стороны заходящего солнца.

картины на стенах мастерской Тростманна. Таков, например, вид на цветущие неспали с балкона Villa Floga или закат в створе залива Лапад.

Кстати о заливе. Художник протягивает руку в сторону спускающихся к заливу отелей и с плохо скрываемым раздражением резюмирует:

— *Вы не поверите, ещё в пятидесятых годах здесь был только лес... Теперь ад.*

Мне стало неловко. С одной стороны, художник прав, но с другой — сколько людей приобщилось к сказочному Средиземноморью именно здесь в Далмации, в заливе Лапад... Хотя количество дорогих и *адских* торговых точек на променаде, а также безликих, но дорогих отелей я бы подрезал. И тут уместно привести несколько строк из дневниковых записей Василия Витальевича Шульгина.

Примите во внимание роскошные декорации этих воспоминаний! Залив, лес, горы, просёлок Святого Иакова и тогда ещё одинокие виллы вдоль него! Сельский пейзаж и никаких туристов, только буйство средиземноморской растительности — сказочный лес:

«В этом трудном моём положении меня приютили на вилле Сливинского. Раньше он был просто Слива, но эта слива окончила Академию Генерального Штаба с занесением на почётную доску. К началу революции он был уже полковник [с апреля по декабрь 1918 года — начальник штаба гетмана Скоропадского — прим. публикатора], эмигрировал, в Югославии стал подрядчиком по строительству дорог, имел хорошие доходы и снимал прекрасную виллу на дороге Святого Иакова. Женат он был на Вишневской, и они пригласили меня перебыть у них тяжёлое для меня время. Я начал с того, что написал им стихотворение, начинавшееся так:

*Во дни зари моей счастливой
Был мне отрадой скромный сад,
Там были вишенки со сливой —
Тех дней мне не вернуть назад.
Ударил гром. Все баромётры
Упали в бездну с высоты.
В мой бедный сад ворвались ветры,
И пали древа, как цветы...»*

Все трое — Шульгин, Сливинский и Вишневская киевляне. Меня же в этой истории особенно волнует появление на Villa Flora Mira в январе 1931 года супругов Лотарёвых — Игоря и Фелиссы.

Игорь-Северянин тоже отметил восторгами о посещении Далмации и Дубровника в рассказе «Гроза в Герцоговине»:

«Ночью мы проехали Герцеговину, унылую и каменисто-хаотическую. Вдруг из окон вагона перед нами заизумрудило море, поезд

уступами стал спускаться к нему, все быстрее, все ниже, наконец он остановился, мы вышли из вагона, — и какой воздух! Какая теплота! Какой восторг! Солнце ярко сияло, небо — сплошная синь, пальмы, агавы, апельсины, мимоза, роза, глицинии! Все это произошло так внезапно, что буквально нас потрясло.

Итак, мы были в Далмации, обворожительной и почти неземной. О её воздухе ничего нельзя сказать словами: его нужно почувствовать, его нужно вдыхать самому, чтобы иметь о нем представление. Нигде и никогда, ни до, ни после такого воздуха я уже не встречал.

В одном из своих стихотворений я назвал его «дыханьем Божества», в другом сказал, что «на Бога воздух был похож. Ничего более точного я не мог придумать».

И вот тут любопытная деталь: поэт был заядлым курильщиком, но целебный воздух Средиземноморья очаровал и его.

Игорь-Северянин и Алексей Сливинский. Черногория. 1931.

Старая входная дверь на виллу.

Оказалось, что имя подрядчика Алексея Ивановича Сливинского ничего не говорит Тростманну. Очень удивился, когда узнал, что в тридцатые годы почти все горные дороги вокруг Дубровника построил бывший русский офицер полковник Генерального Штаба Российской Империи Сливинский. Простительно: практически всё здесь связано исключительно с хорватами и очень неохотно с русскими, а особенно с сербами, не говоря уже о прочих. Средиземноморский национализм! Так что книжку «Игорь в Дубровнике» я подарил хозяину мастерской и объяснил свой интерес к вилле. Показал ему фото с находками прошлого года — сохранёнными мной бронзовыми накладками, ручками и, главное, ключом от входной двери виллы.

Вместо обещанных нам 10 минут, мы провели в гостях у художника что-то около часа. Наконец, настало время покинуть исторический балкон и прощаться. В мастерской хозяин начал оглядываться, словно искал что-то. Мне на секунду стало неловко, что как подарит одно из своих гигантских полотен! Не увезти!

Однако из «организованного беспорядка» на свет было извлечено нечто ржавое. Хозяин вручил мне это нечто на лестнице со словами о том, что если он меня правильно понял, то я по достоинству оценю этот его прощальный подарок.

На узкой лестнице было сумрачно, но форма и фактура подарка мгновенно заинтриговали меня.

В руках я держал ржавую кованую пепельницу ручной работы, изящество которой скрыть невозможно. Дорогой подарок, и вот почему.

Шульгин не курил. Про Сливинского точно сказать не могу — столь обыденная деталь обыкновенно остаётся за пределами мемуаров, если это не трубка Сталина или сигары Черчилля и Кастро.

А вот Игорь-Северянин курил папиросы и дымил изрядно. Так что, сидя на балконе в компании хозяина, его жены Марии, Шульгина

и Фелиссы за чашкой кофе или рюмкой *вишнёвицы*, избежать гостевой пепельницы он никак не мог. Ну не на пол же он в самом деле стряхивал пепел и тушил окурки о столешницу или каблук!

Я далёк от фанатизма и полагаю, что тут уместно любимое из британского новояза *highly likely*, т.е. *очень может быть, возможно, с большой долей вероятности*. Это как минимум гостевая пепельница из правильного времени и в правильном месте, к тому же имеющая некоторое отношение к пребыванию поэта в Дубровнике на Villa Flora Mira. Подтвердить нечем, но и опровергнуть тоже.

Вот почему я хочу снова вернуться в Дубровник, хочу увидеть галерею учителей Тростманна колористов: Дульчича — Масле — Пулитика; посетить летний фестиваль *Dubrovačke ljetne igre*, основанный русскими сёстрами Соловьёвыми, а заодно вкусить крепкую *шливовицу* и насладиться восхитительно нежной *вишнёвицей*. Да, мало ли что ещё взбрѣдет в голову! Это же Средиземноморье!

P.S. Во дворе виллы можно было получить на память фаянсовую ручку сливного бачка, пользования которой во время пребывания на вилле тоже невозможно было избежать.

Представьте, как изящно, можно даже сказать, *громокипяще* поэт дѣргал за эту ручку дважды, а то и трижды в день!

Ты скажешь: ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Получив пепельницу, я забыл про ручку. Теперь жалею.

Сентябрь 2024. Дубровник-Таллинн.

*Коробка с находками во дворе Villa Flora.
Немного левее от центра ручки сливного бачка.*

Залив Лапад — Sunset Beach

